

А.В. Шишов

ПОЛКОВОДЦЫ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

• ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА •

Военно-историческая библиотека (Вече)

Алексей Шишов

Полководцы Петра Великого

«ВЕЧЕ»

2023

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46

Шишов А. В.

Полководцы Петра Великого / А. В. Шишов — «ВЕЧЕ»,
2023 — (Военно-историческая библиотека (Вече))

ISBN 978-5-4484-8838-2

История правления Петра Великого богата примерами того, как люди получали высокие звания и росли в чинах не благодаря своему знатному происхождению, а из-за собственных талантов и заслуг перед государством. В этом проявлялся гений молодого царя - он был отличным администратором и умел видеть в людях скрытые качества, назначая их на те должности, где бы они могли приносить максимальную пользу. Особенно сильно это проявилось во время Северной войны, когда на место старой боярской воинской аристократии пришла целая плеяда ярких талантливых полководцев, многих из которых возвысил лично Петр. В этой книге читатель сможет узнать об особенностях их жизненного пути, развития и становления как полководцев и завоевателей, познакомиться с малоизвестными эпизодами их биографии и составить полное представление о том, какими были люди, приведшие свое Отечество к зениту славы. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46

ISBN 978-5-4484-8838-2

© Шишов А. В., 2023
© ВЕЧЕ, 2023

Содержание

Слово от автора	6
Глава первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Алексей Шишов Полководцы Петра Великого

Военно-историческая библиотека

© Шишов А.В., 2023

© ООО «Издательство «Вече», 2023

Слово от автора

Первую четверть XVIII столетия в отечественной истории принято называть эпохой Петра Великого. В те годы совершались великие деяния: шла государственная ломка заповедного Русского царства, которое потратило два десятилетия на то, чтобы выйти на берега Черного (Русского) и Балтийского (Варяжского) морей. Проводились масштабные реформы: они касались управления державой, ее экономики и образования, создания регулярной армии и флота. Итогом титанических трудов самодержца Петра I из царствующей династии Романовых стало то, что Россия превратилась в империю.

Реформаторская деятельность великого государя велась в условиях идущей Северной войны 1700–1721 годов против Шведского королевства, обладавшего на рубеже веков самой сильной армией на европейском континенте и считавшего Балтику «своим» морем. По длительности это военное противостояние в российском летописании сравнимо только с Кавказской войной, которая то пылала, то затухала на годы. Борьба со Швецией вышла на редкость упорной и тяжелой, потребовавшей максимального напряжения сил от государства Российского: материальных, духовных и военных.

В первом случае вооруженной борьбы за «окно в Европу» результаты двух Азовских походов были полностью утрачены в новом столкновении с Оттоманской Портой после неудачного Прутского похода 1711 года. Во втором случае петровская Россия не только отвоевала древние новгородские земли-пятины на берегах Финского залива, но стала еще и обладательницей Лифляндии, Эстляндии и части Карелии, твердо встав на берегах Балтики и заявив о себе как о морской державе.

Великая Северная война, как ее называл историк А.А. Керсновский, которая началась с «Нарвской конфузии», вписала в отечественную историю яркие и убедительные победы русского оружия. Это были: штурм Нотебурга (Орешка), «вторая Нарва», сражения при Калише и Лесной, Полтавская битва с последующей капитуляцией шведской армии у Переволочны, дело на реке Пелкина, морские баталии у мыса Гангут и острова Гренгам. Под стать им в военную историю вошли Гродненский маневр и десантные операции на побережье собственно Швеции.

Последний русский царь и первый всероссийский император Петр Великий показал себя в Северной войне как талантливый реформатор, создавший современную регулярную сухопутную армию и военный флот, как видный политик и дипломат. Он стал для военной истории еще и талантливым полководцем и флотоводцем. Этих заслуг его перед Отечеством умалить никак нельзя. Именно Петр I командовал русской армией в Полтавском сражении, которое стало генеральным в Северной войне, разрабатывал крупнейшие операции и планы военных кампаний, определял стратегию и тактику. Царь из Романовых смотрится в те два десятилетия как верховный главнокомандующий России, и никак не меньше.

Рядом с Петром I все эти годы находились его верные сподвижники и единомышленники, известные нам как «птенцы гнезда Петрова». Это были незаурядные личности, которых петровское время сделало победными полководцами и флотоводцами, прославленными воителями во славу петровской России. Судьбы их различны, интересны и поучительны. Их объединяет то, что они являлись соратниками великой исторической личности, добывая ратными трудами на суше и на море виктории для нашего Отечества.

Имена этих военных вождей по заслугам навечно вошли в российскую историю. Так уж случилось, что славная когорта полководцев и флотоводцев Петра Великого, блиставшая на военном поприще, бесспорно, состоит всего из пяти человек. Но каких личностей!

Шереметев Борис Петрович. Родовитый боярин-воевода. Генерал-фельдмаршал. Граф. Умелый дипломат. Кавалер ордена Святого Андрея Первозванного. До своей смерти оставался главнокомандующим русской армии, когда же рядом находился царь Петр I, то значился им

номинально. Так было и под Полтавой. В Северной войне принес русскому оружию первые большие виктории, блеснув при Эрестфере. Поражений почти не знал. Успешно воевал в Лифляндии и Эстляндии, взял Ригу. Автор плана отражения Московского похода короля Карла XII. Пользовался исключительным доверием Петра I, с которым имел большую личную переписку.

Меншиков Александр Данилович. Человек «подлого сословия», ставший по воле Петра Великого «полудержавным властелином» и его фаворитом. Светлейший князь Ижорский, едва не ставший герцогом Курляндии. Блестящий кавалерийский военачальник. Большой государственный деятель, пока не стал казнокрадом. Герой Лесной и Полтавы, принявший капитуляцию шведской армии у Переволочны, много воевавший в Речи Посполитой и на южных берегах Балтики. Строитель Санкт-Петербурга. Генералиссимус и полный адмирал. Кавалер ордена Святого Андрея Первозванного. После государя самый богатый человек империи, решивший породниться с Романовыми и бесславно ушедший из жизни нищим в далекой сибирской ссылке.

Репнин Аникита Иванович. Князь с древней родословной. Рюрикович. Один из организаторов русской регулярной армии. За поражение при Головчино был разжалован в рядовые солдаты гвардии, но прощен после виктории у Лесной. Осуществил Гродненский маневр, ставший «украшением» Северной войны. Отличился при Полтаве. Много воевал в Померании. Генерал-фельдмаршал. Президент Военной коллегии. Кавалер ордена Святого Андрея Первозванного. Был лично близок к Петру I с той поры, как стал «потешным».

Голицын (старший) Михаил Михайлович. Тоже князь со старинной родословной, начавший армейскую службу «потешным» барабанщиком и закончивший ее генерал-фельдмаршалом. Герой штурма Нотебурга (Орешка), сражения при Лесной и Полтавской битвы. Многие годы успешно командовал на суше и на море петровской лейб-гвардией – Преображенским и Семеновским полками, элитой и ударной силой русской армии. Впервые блеснул талантом большого тактика в бою при Добром. Успешно командовал русскими войсками в Финляндии. Одержал полную победу в Гренгамском морском сражении. Кавалер ордена Святого Андрея Первозванного.

Апраксин Федор Матвеевич. Генерал-адмирал. Великий кораблестроитель России на море Азовском и на Балтике. Во главе осадного корпуса взял крепость Выборг. Вместе с Петром I командовал гребным флотом в сражении при мысе Гангут. Долгие годы стоял во главе флота Балтийского моря, укрепил его базы – остров Котлин и Ревель. Овладел большей частью Финляндии. Глава Адмиралтейства. Граф. Бескорыстный соратник и любимец Петра, его советник не только по делам флотским. Отличился в войне на море в финале Северной войны. Кавалер ордена Святого Андрея Первозванного.

Все вместе – Б.П. Шереметев, А.Д. Меншиков, А.И. Репнин, М.М. Голицын и Ф.М. Апраксин – олицетворяют собой «начальную» Русскую Императорскую армию, у истоков которой стояли с первых дней ее создания. Их биографии – это «слепок» с истории Великой Северной войны 1700–1721 годов, с истории петровской России. Отечественное летописание может гордиться этими именами, хотя не все «птенцы гнезда Петрова» выдержали испытание жизнью.

Три столетия назад в огне Северной войны зарождалась Российская империя. Борьба за державность была связана с созданием русского регулярного и военного флота, что стало творением рук Великого Петра и его единомышленников, которые прозорливо смотрели в будущее России. То, что совершалось в отечественной истории, переписать сложно. Но проходит какое-то время, и она подвергается новому переосмыслению. Касается это и биографий славных петровских полководцев и флотоводцев.

*Алексей Шишов,
военный историк и писатель*

Глава первая

Граф Борис Петрович Шереметев (1652–1719), генерал-фельдмаршал с 1701 года

Боярский род Шереметевых относился в Русском государстве к числу самых древних. Он вел свое начало с XIV столетия от Андрея Кобылы, который являлся родоначальником и Романовых, будущей царствующей династии. Среди Шереметевых значится немало лиц, заседавших в Боярской думе и ходивших в больших и малых воеводах. Сын Андрея Кобылы был боярином у великого князя Московского Дмитрия Донского. Иван Васильевич Большой – ближним боярином царя Ивана IV Васильевича (Ивана Грозного). Иван Васильевич Меньшой, его брат и воевода, отличился в Ливонской войне.

Иван Шереметев Большой смело спорил с Иваном Грозным, доказывая свою правоту, за что был сослан в Кирилло-Белозерский край. Их переписка – злая, «ругательская», продолжалась долго, с каждым письмом все больше удаляя друг от друга. Бывшего ближнего боярина насильно постригли в монахи, а через десять лет под стражей вызвали в первопрестольную Москву и там в 1573 году публично казнили. Однако шереметевский род искоренен не был.

Перед этим царь «всёя Руси» Иван Васильевич сурово писал настоятелю монастыря, в котором «в строгостях» содержался опальный ближний боярин, который уже не мог вернуться к светской жизни: «Шереметев, бесов сын, хочет жить, не подчиняясь порядкам, так же, как жил его отец».

...Шереметевы всегда ходили в элите московской аристократии. Возвыситься же до друзей государя, до его верных сподвижников удалось только одному-единственному из них – Борису Петровичу. Он стал самой большой знаменитостью в своем славном роду благодаря несомненным ратным заслугам, делам петровского государственника и дипломата и... большому уважению к нему Петра Великого.

Как представитель московской знати государеву службу начал при дворе в 13 лет сразу комнатным стольником. Борис Шереметев сопровождал царя Алексея Михайловича в его поездках по монастырям и подмосковным селениям, стоял рындой у трона в Грановитой палате на торжественных приемах иноземцев в Кремлевском дворце.

Военная начальственная служба для него началась в 1679 году, когда он был назначен помощником воеводы в Большой полк. Через два года Борис Шереметев стал уже воеводой одного из отрядов царской рати. Был тамбовским воеводой, командовал порубежными полками, прикрывавшими южную государственную границу от разбойных набегов крымских татар.

В 1682 году с восшествием на престол Иоанна (Ивана) и Петра Алексеевичей в 30 (!) лет был пожалован в бояре. С начала двоецарствия Б.П. Шереметев стал заметной фигурой в правящих кругах «на Москве», отличаясь воеводским опытом и знатностью рода, близкого к царствующим Романовым. На заседаниях Боярской думы выступал ответственно и дельно, «местничества» избегал.

Рано проявил дипломатические способности. Участвовал в трудных переговорах 1686 года с Речью Посполитой (союзного государства Польши и Литвы) о заключении с ней «Вечного мира». В качестве русского посла в этой стране участвовал в ратификации условий мира, который позволил Московскому царству сохранить за собой Киев, который надолго стал пограничным городом. Довелось ему принимать участие и в заключении договора со Священной Римской империей (со столицей в австрийской Вене) о совместном противостоянии Оттоманской Порте.

Большая победа отечественной дипломатии принесла Борису Петровичу чин ближнего боярина и должность вятского наместника. Однако государева служба по делам Посольского приказа оказалась непродолжительной. Жизненным поприщем для Шереметева стало ратное дело, рано начавшего «воеводствовать».

В 1687 году он назначается воеводой в Белгороде и Севске: эти два города-крепости преграждали кратчайший путь коннице крымского хана в набегах на московские земли. Иными словами, он стал воеводой порубежной, пограничной стражи, охранявшей южнорусские уезды от покушений на них крымцев. На границе у боярина-воеводы и проявилась такая черта, как воеводская осторожность на войне, за что царь Петр I не раз будет упрекать Шереметева в событиях Северной войны.

Участвовал в 1688 году в Крымском походе князя В.В. Голицына, фаворита правительницы царевны Софьи Алексеевны. В больших столкновениях с крымской конницей в Черной и Зеленой долинах отряд белгородского воеводы терпел поражения. Но сам Борис Шереметев являл собой пример личной храбрости. Потому и избежал он упреков Боярской думы за понесенные поражения и побитых ратников.

...В конце XVII столетия Русское государство оказалось на историческом перепутье. Когда началась борьба боярских группировок Милославских и Нарышкиных за высшую власть, именитый и влиятельный боярин-воевода Б.П. Шереметев решительно встал на сторону последних, поддержав юного царя Петра I. Он сознательно стал его верным сподвижником, будучи старше государя на 20 лет. Белгородским воеводой оставался до 1695 года, часто проживая в первопрестольной Москве.

Следует заметить, что до конца своей жизни Борис Петрович оставался стойким приверженцем старомосковских моральных устоев, хотя и понимал необходимость государственных реформ. В петровском окружении знатный родом боярин настороженно относился к «безродным выскочкам». Но своей знатностью никогда не кичился.

В начале Азовских походов Петра I боярин-воевода командовал войсками, действовавшими на Днепре отдельно от главных сил. Он имел задачу выйти к его устью и на какое-то время активными действиями сковать устремления крымского хана пойти под Азов, чтобы «подсобить» его осажденному гарнизону. Иными словами, шереметевское войско выполняло задачу отвлечения на себя большей части ханской конницы.

В 1695 году после четырехдневной осады взял турецкий городок-крепость Кизы-Кермень, после чего османы сами оставили на низовых днепровских берегах три таких же укрепленных городка, и боярин-воевода победно отвел свои войска на Украину. «Разорения турецких крепостиц» на Днепре красной строкой вошли в его послужной список.

Тот Азовский поход 1695 года вошел в шереметевскую биографию особой строкой. Борис Петрович впервые попал в военную историю, написанную не соотечественниками. Восточный писатель Давид Ляхну в своем сочинении «Девар-Севафаим» среди прочего сообщал следующее:

«Когда Султан Мустафа, сын Султана Махмуда, воцарился и возсел на свой престол (1107 год Гиджры – то есть 1695 год нашей эры), в то время с каждым годом война с римлянами (то есть со Священной Римской империей, австрийцами. – А.Ш.) становилась обременительнее для турок, которые то побеждали, то были побеждаемы, – тогда еще прибавилось у них врагов: с севера угрожала беда, а именно: Ах-Бей (белый царь) царь Московский, который, с скрытою в сердце недружбою и вечною нелюбовью, питал недобрые замыслы и изыскивал средства овладеть Крымом.

Он собрал многочисленное войско свое и разделил его на две части, из которых одну поручил воеводе по имени Шермет-оглу (боярину-воеводе Б.П. Шереметеву. – А.Ш.), который пошел на Кази-Керман (Берислав), лежащий на большой реке Узу (Днепр), с крепкою стеною и прочными вратами, осадил его и начал войну...»

После «завоевания» Азова в 1696–1697 годах Шереметев находился в дипломатической поездке по Европе под именем ротмистра Романа. Выполнял царские поручения, доставив послания австрийскому императору Леопольду I, папе римскому Иннокентию XII, дожу Венецианской республики и Великому магистру (гроссмейстеру) Мальтийского ордена. После этой поездки ближний боярин стал известен в европейских столицах. Там были наслышаны и о том, что он умел воевать при отражении набегов на русские пределы конницы Крымского ханства.

Потом скажут, что Борис Петрович Шереметев «очаровал Европу». Он проявил себя в этой поездке не только как блистательный дипломат, понимающий премудрости дворцовых интриг, способный, никого не обижая, но и никому не угождая, отстаивать интересы Отечества, и как щедрый вельможа, не кичившийся своим личным богатством.

Правда, европейское турне для Шереметева началось с того, что петровскому посланцу пришлось вырваться из замка польского магната Радзивилла, который к числу друзей Московии не относился. Зато польский король Август II (Август Саксонский) встретил царского боярина с большими почестями. Так его принимали и в Вене, и в Вечном городе, то есть в Ватикане, в Неаполе, Флоренции и Венеции.

На Мальте царский посланник склонял местных рыцарей, как в Вене императора Священной Римской империи, к совместным действиям против Оттоманской Порты. Великий магистр (гроссмейстер) ордена Раймунд-Переллос-Рокафулл возложил на боярина Б.П. Шереметева Мальтийский командорский крест, причислив его, таким образом, к числу рыцарей ордена.

Боле того, Великий магистр вверил русскому посланнику командование двумя галерами, которым предстояло действовать против турок-османов. Но поехать тогда на море Борису Петровичу не довелось: дела посольские требовали от него торопиться с возвращением в Москву. Царь Петр I там его заждался.

В отечественной истории это был первый случай награждения подданного России иностранным орденом. Можно заметить, что в Европе тогда орденов было, как говорится, раз-два и обчелся. Петр I специальным указом внес в официальный титул Шереметева ни у кого не встречающийся титул «свидетельствованного мальтийского кавалера».

Путешествие Б.П. Шереметева по ряду европейских государств было не чем иным, как поиском вероятных союзников петровскому царству в противостоянии с Оттоманской Портой. Взятие Азовской крепости и появление новопостроенного русского флота на Азовском море не открывало России выхода на морские торговые пути. Проливы Босфор и Дарданеллы оставались в руках турок, и только силой европейского сообщества можно было открыть их для свободного мореплавания, в том числе и для россиян.

Царь Петр I, посылая в Европу боярина-воеводу, хотел с его пониманием больше знать о состоянии там военного дела. Борис Петрович исподволь интересовался всем, что интересовало государя: состояние крепостей и фортификационное дело, новшества в артиллерии и обучении войск, возможности производить закупки новейшего оружия (ружей и прочего), развитие кораблестроительного дела.

В том дипломатическом путешествии, которое закончилось на Мальте, Борис Петрович проявлял необычайную щедрость. Всюду, куда он попадал, раздавались богатые подарки, прежде всего «мягкой рухлядью» – драгоценными соболями и другими мехами Русского Севера. На эти цели, как известно, царский тайный посол потратил из собственных средств 25 тысяч рублей. Государь же остался доволен миссией Шереметева.

В Москву Шереметев 12 февраля 1699 года привез то, чего ожидал от этой поездки царь Петр I: европейские политики одобряли решение российского монарха драться со шведами и продолжать священную войну с иноверцами, то есть с Оттоманской Портой. Последнего от Московии особенно желали Вена и Венеция, Рим и Мальта. Но в тех столицах, где побывал

петровский посланец, конкретной помощи особо не обещали, зато обещали в вызревшем конфликте на севере европейского континента оставаться нейтральной стороной. Это было для Петра I, в те дни усиленно занимавшегося законодательством, крайне важно.

Ближний боярин Б.П. Шереметев многое сделал для того, чтобы в Северной войне Россия не осталась без союзников и без доброжелательного отношения к ней в ряде европейских столиц. С началом же войны ему пришлось оставить дипломатическое поприще и сразу стать большим военачальником у царя Петра I. Собственно говоря, у царя среди своих подданных особого выбора не виделось: «иноземного строю не знали».

В преддверии войны со Швецией, когда государственная казна пустовала из-за огромных расходов царства на создание регулярной армии, ее вооружения и снаряжения, Петр I был много благодарен боярину Борису Петровичу вот еще за что. Дворецкий Шереметева, ездивший с ним в Италию, Алексей Курбатов, тоже интересовавшийся жизнью чужеземных стран, заметил там много из того, что в России еще не зналось. Именно Курбатов предложил «орлиную бумагу».

Петр I, за что его в истории следует уважать как мудрого государя, «откликнулся» на все разумные предложения, касающиеся пополнения государственной казны. Царь за идею «умницы» дворецкого ближнего боярина ухватился сразу, поняв всю ее значимость для пополнения казны. Высочайший указ о введении гербовой бумаги в трех видах состоялся сразу, 23 января 1699 года. Гербовая бумага теперь стала обязательной для писания массы челобитьев и прочих «входящих» в приказы и суды, воеводства и на имя самого государя-батюшку бумаг. Так казна получила обильный, не иссякающий источник государственных доходов.

...Будущий Петр Великий решил «пробивать окно в Европу» в водах Балтики, поскольку Азов на морские торговые пути царство не выводил. В «Истории Свейской войны» (главном документальном источнике) о вступлении в войну против Шведского королевства петровской России, об открытии ею военных действий записано так:

«...В 1700-м году в августе месяце Шведам война объявлена. И того ж месяцы с Москвы начали войска отходить, а именно в 22 день с первой частью его величества пошел, а потом и протчие следовали, как могли убратца.

А пред тем в Новгород послан указ к губернатору князю Трубецкому, чтоб он блаковал Нарву, по которому указу он, губернатор, из Новагорода пошел к Нарве наперед сентября 1-го числа.

А с ним были пехотные полки: два новгородския старья Захарья Вестова, (Мирона) Баишева. Да салдацких Александра Гордона, Романа Брюса, Петра Девсина, рейтарской Кокошкина, да новгородского разряду все дворяне.

И прибыл он, князь Трубецкой, с теми полками к Нарве...»

С началом Северной войны ближнему боярину Борису Петровичу Шереметеву поручается формирование полков конного поместного (дворянского) ополчения, которое до начала Петровской эпохи являлось основой военной силы Московского государства. Под его начало отдавались и драгунские полки, которых пока было совсем немного. Собираение поместного дворянства «на рать» велось через Поместный приказ, который вел «росписи» государственного конного ополчения.

По замыслу Петра I, главным театром начавшейся войны должна была стать Ингрия (Ингерманландия) – восточное побережье Финского залива. В прошлом это были земли вольного города Новгорода, волей исторических событий ставшие владением Шведского королевства, тогда подлинной державы на Балтике. Для начала решили овладеть сильной крепостью Нарва (древний Ругодив), соседним Ивангородом (Иван-городом) и всем течением реки Нарова.

Дворянская конница виделась мобильной частью создаваемой Петром I регулярной армии. Но «испомещенные» владельцы не спешили со своими боевыми холопами встать в

строй полков поместного ополчения, поэтому с «нетчиков» спрашивалось строго. Немало забот было с их вооружением, прежде всего огнестрельным, выучкой. Приходили они на сборный пункт часто с «худыми» конями, а порой и без них, если помещик был беден и «ополчиться» за свои деньги не мог.

Царь торопил ближнего боярина с открытием боевых действий, чтобы не упустить время. Он писал ему: «Полно отговариваться, пора делать. Воистину мы не под лапу, но в самый рот неприятеля идем, однакож за помощь Божию не боимся...»

В сентябре 1700 года Б.П. Шереметев во главе 5—6-тысячного отряда поместной конницы выступил от осажденной Нарвы в сторону эстляндского города Везенберга. Получив весть о том, что король Карл XII после убедительной победы над Данией высадился в Пернове (ныне Пярну, Эстония), шереметевский отряд выдвинулся по дороге на Ревель (ныне Таллин, Эстония) еще дальше, пройдя за три дня 120 верст.

По пути встретились два воинских отряда шведов (авангардные «партии»), которые были окружены и разбиты. Пленные сообщили о том, что на выручку гарнизону Нарвы идет 30-тысячная королевская армия. Боярин-воевода приказал отступить перед ней. Собственно говоря, приказа о вступлении в баталию с главной армией Карла XII он не имел и потому своевольничать не стал.

Но отход назад по Ревельской дороге следовало как-то объяснить. Шереметев доносил царю о своих невзгодах, которые действительно были: «В такое время без изб людям быть невозможно, и больных zelo много, и ротмистры многие больны...»

Государь в ответном письме упрекал военачальника за свойственные ему воеводские медлительность и осторожность на войне. Царь Петр I, не зная обстановки, наставлял его на более решительные действия: он очень хотел начать войну со Шведским королевством с виктории, пусть и не самой большой. В ответ Борис Петрович оправдывался перед самодержцем:

«И я оттуда отступил не для боязни, — для лучшей целости и для промыслу над неприятели. С сего места мне свободно над ними искать промыслу и себя остеречь...»

Все же дворянской коннице пришлось снова углубиться в Эстляндию все по той же Ревельской дороге, чтобы на дальних подступах к Нарве сторожить армию короля Карла XII. Решение видится вполне разумным, если не брать в счет природные невзгоды и трудности с провиантом и особенно с фуражом для тысяч лошадей. Боярин Шереметев, продолжая на войне осторожничать, писал главе Посольского приказа боярину Ф.А. Головину о своих опасениях:

«Пришел назад, в те же места, где стоял, в добром здравьи. Только тут стоять никакими мерами нельзя для того, вода колодезная безмерно худа, люди от нее болят; поселения никакова нет, конских кормов нет».

Когда авангард королевской армии под начальством генерала графа Отто Веллинга появился перед Везенбергом, произошло ожесточенное столкновение. Шведы неожиданно для себя оказались в окружении, с трудом пробившись назад и тем самым уйдя от разгрома. Так в «Истории Свейской войны» появилось первое упоминание о победном деле боярина-воеводы Б.П. Шереметева:

«...В 20 день (октября) начали в город бомбы бросать и из пушек по городу стрелять. Тогда ж послана наша нерегулярная конница к Вайварам, где встретили шведскую партию во 600 человек, которую разбили и взяли командира той партии маеора Паткуля, да ротмистра Делагарди и несколько афицеров и рядовых».

Разгрому подвергся авангард отряда генерала Веллинга, далеко зашедший вперед. После боя конница Шереметева расположилась на дороге между двумя утесами, кругом виднелись болота и кустарники. Здесь можно было держаться, предварительно разрушив мост через речку. Но боярин-воевода усмотрел слабость позиции: ее легко можно было обойти с левого

фланга и отрезать от Нарвы. И он приказал отойти еще назад к деревне Пурц, в 36 верстах от Везенберга. Разведку Шереметев не вел, посчитав, что перед ним главные силы шведов.

У Пурца был разбит походный стан, а его прикрытие выставили в деревне Варгле. Однако «сторожа» расположились по домам, ведя себя на войне крайне беспечно, не приняв никаких мер предосторожности и не выставив караула, за что и поплатились. 26 октября шведы из отряда Вейлинга неожиданно напали на деревню и подожгли ее. В суматохе завязавшегося боя часть прикрытия пала, часть вырвалась из Пурца. Беглецы и доставили Шереметеву тревожную весть: шведы в больших силах рядом.

Боярин-воевода послал к месту закончившегося боя «21 эскадрон кавалерии» (речь идет о дворянских конных сотнях поместного ополчения). Шведская «партия» у деревни Пурц оказалась в окружении и разбита. Часть ее с трудом пробилась на запад, уйдя на загнанных лошадях все по той же Ревельской дороге, опасаясь преследования.

Но, вместо того чтобы преследовать разбитую «партию» шведской кавалерии, осторожный боярин-воевода приказал отступать к Нарве, к главным силам русской армии, стоявшим в укрепленном осадном лагере. Продвигаться дальше в земли Эстляндии, в неизвестность, подкрепленную самыми противоречивыми слухами (но не «самовидцами» или допросами «языков»), он не стал.

Сперва поместная конница, не имея арьергардных сил, отступила по Ревельской дороге к деревне Пюханогги. Оттуда начальник поместной конницы Б.П. Шереметев направил гонца под Нарву с донесением для царя Петра I, описывая в нем события последних дней. Тот в ответе стал укорять боярина-воеводу в неумении ставить лагерь в безопасном для того месте:

«... Там не стоял для того: болота и топи несказанные и леса превеликие. И из лесу подкрадчи один человек и зажег бы деревню и учинил бы великие беды. А паче того был опасен, чтобы обошли нас к Ругодыву (то есть к Нарве. – А.Ш.)».

Деревня Пюханогги находилась в 32 верстах от Нарвы. Когда шведы (кирасиры в стальных латах и шлемах) подошли к ней, то 16 ноября они «сбили» поместное ополчение, не знавшее ни строя и слабо дисциплинированное конное поместное войско с позиции. Оно в беспорядке отступило и всю ночь двигалось к Нарве по уже хорошо знакомой им дороге. Где-то задержаться на выгодной позиции и дать бой неприятелю лично храбрый Б.П. Шереметев не пытался и не думал, воюя по старинке, как старомосковский воевода.

Конные дворяне и принесли в осадный лагерь русской армии весть о том, что шведы идут к Нарве. Несколько ранее ни Петр I, ни другие не думали и не предполагали, что подходит «большая шведская сила» во главе с самим Карлом XII – до того плохо была поставлена конная разведка. Вернее – она боярином-воеводой попросту не велась, хотя тогдашних дворянских ратников (а их были тысячи!) можно считать в своем большинстве всадниками легкоконными.

При этом боярин-воевода Б.П. Шереметев допустил серьезную тактическую ошибку: поскольку разведка перед осажденной Нарвой им не велась ни ближняя, ни дальняя, то соприкосновение с неприятелем было напрочь утрачено. Установить местонахождение главных сил подходивших шведов он даже не пытался. Он даже не знал, где они в этот день находятся и как быстро идут за ним.

Беда крылась в том, что Шереметев опоздал с тревожным донесением. За четыре часа до подхода передового отряда дворянской конницы в осадный лагерь царь Петр I оставил его, торопясь в неблизкий Новгород. То есть докладывать о прошедших вчера и сегодня событиях боярину-воеводе оказалось некому.

За себя самодержец оставил командовать русской армией наемного саксонского генерал-фельдмаршала герцога Кроа де Крои, который для этой цели никак не годился. Европейский полководец не знал петровской армии, а та не знала его. Отчуждение между ними выдилось полное.

Показательно, что царь Петр I одновременно с инструкцией наемному фельдмаршалу, назначенному главнокомандующим, дал рескрипт на имя старейшего и авторитетнейшего в русской армии боярина и генерала Б.П. Шереметева, близкого к нему человека. В рескрипте государь писал:

«Борис Петрович! Приказал я ведать над войском и над вами арцуху ф. Крою; изволь сие ведать и по тому чинить, как написано в статьях у него за моей рукою, и сему поверь. Но понеже всего на всякий случай предусмотреть невозможно, того ради полагает его Царское Величество на его обыкное рассуждение, ведая его искусна в воинских случаях».

В отечественной литературе обычно отход под Нарву поместного конного ополчения рисуется как какое-то бегство перед появлением перед ним шведов. Можно сказать, что такое надумано литераторами в силу действительной «Нарвской конфузии». К примеру, советский писатель граф Алексей Толстой в романе «Петр Первый» описал то событие первого года Северной войны с известной долей исторической правды, но в своем представлении начитанного человека так:

«Иррегулярные полки дворянского ополчения, утром семнадцатого ноября, узнав от сторожевых, что шведские разъезды за ночь прошли мимо теснин берегом моря в тыл на ревельскую дорогу, смешались и, не слушая Бориса Петровича Шереметева, стали уходить от Пигаиок – в страхе оказаться отрезанными от главного войска. Он подсказывал к расстроенным сотням, хватал за поводья, сорвал голос, бил нагайкой по лошадям и по людям, – задние напирали, конь его вертелся в лаве отступающих.

Ему только удалось собрать несколько сотен, чтобы остеречь тыл и спасти часть воинского обоза от шведов, появившихся с восходом солнца, – в железных кирасах и ребристых касках, – на всех скалистых холмах. Шведы не преследовали. Дворянские сотни уходили вскачь. Дворянские полки ускакали вскачь. Ночью они появились под палисадами нарвского лагеря. Сторожа на валу, в темноте приняли их за врага, открыли стрельбу. Всадники отчаянно кричали: «Свои, свои...» Пробудился и загудел весь лагерь...»

Отошедшее к Нарве поместное ополчение согласно армейской диспозиции поставили на крайнем левом фланге, между дивизией генерала А.А. Вейде и берегом Наровы. В пешем строю тогда дворяне не воевали, считая это «делом зазорным» для себя. Тыл поместного войска состоял из спешно, на скорую руку, устроенных коновязей. В окопах (ретраншаменте) сидели только боевые холопы своих господ, почти не имевшие огнестрельного оружия. Вести в таких условиях оборонительный бой их и военнообязанных помещиков никто никогда не учил.

Поскольку запас боезарядов к осадным батареям подходил к концу, а подвоз их и провианта для большой числом людей армии из Новгорода к Нарве был поставлен из рук вон плохо, царь решил взяться за это дело лично. К тому же Петр I хотел лично встретить еще только подходившую на театр войны сформированную в Поволжье дивизию («генеральство») князя А.И. Репнина, а это была почти треть регулярной армии: ее следовало по-царски поторопить.

Петр I убыл в Новгород, оставив за себя командующим наемного саксонского фельдмаршала герцога К.Е. де Крои (Кроа де Крои). Потомок венгерских королей оказался на редкость бездарным полководцем и чрезмерно гордым своей личностью аристократом, чем восстановил против себя русских военачальников. И Б.П. Шереметев тоже относился к герцогу и его приказам с недоверием. Но каждое царское слово было для них неписанным законом, в любом случае обязательным к исполнению.

На военном совете, состоявшемся уже после отъезда царя из-под Нарвы в Новгород, Б.П. Шереметев оказался единственным, кто высказался за сражение в поле. Он предложил план сражения, который, будь он принят и воплощен в реальные действия, мог вполне дать желаемый результат. Борис Петрович считал, что поскольку русские войска растянуты на изогнутой позиции длиной в семь верст, следует собрать их в один кулак и дать сражение в поле перед ретраншаментом.

Герцог Кроа де Крои и его единомышленники из наемных иноземцев с таким планом не согласились, заявив, что русские войска в чистом поле недееспособны, им лучше в битве сидеть за рвом и валом. Шереметева не поддержали и свои, даже командиры дивизий (Головин, Трубецкой, Вейде), считавшие, что, имея в тылу гарнизон Нарвы, лучше обороняться на линии укрепленного лагеря.

Военный совет принял решение встретить неприятеля на укреплениях осадного лагеря, то есть на линии окопов (невысокого вала и мелкого рва) и рогаток. На этом больше всего настаивал наемный фельдмаршал герцог де Крои, которого Петр I неосмотрительно оставил за себя на неопределенное время, уезжая в неблизкий Новгород.

Герцог в ожидании подхода шведов неизвестной численности издал по русской армии приказ, который зачитывался во всех полках под барабанный бой. Малопонятный для войск приказ гласил следующее:

«...Ночью половине войска стоять под ружьем... Перед рассветом раздать солдатам по двадцать четыре патрона с пулями. На восходе солнца всей армии выстроиться и по трем пушечным сигналам – музыке играть, в барабаны бить, все знамена поставить на ретраншamente. Стрелять не прежде, как в тридцати шагах от неприятеля...»

Уже после Нарвского поражения станет ясно, что разведка русских в те дни преступно никуда не годилась. Вернее, она не просто оплошала, а попросту не велась, иначе царь Петр I знал бы, что на выручку осажденной Нарве идет не просто крупный отряд неприятеля, а главная королевская армия во главе с самим Карлом XII, совсем недавно разбившим Данию, петровского союзника, и заставившим ее выйти из Северного союза. Тогда события под Нарвой развивались бы по сценарию, утвержденному государем, и, вполне возможно, именно по шереметевскому плану. Но это, увы, только историческая гипотеза, которая под собой ничего действительного не имеет.

В той битве 19 ноября 1700 года поместное ополчение занимало согласно диспозиции (которая после военного совета не изменилась) крайний левый фланг осадной линии в 7 километров, рядом с дивизией генерала А.А. Вейде. Сюда и пришелся один из двух главных ударов атакующих шведов. Король счел, что здесь у русских самые слабые позиции. В начале сражения Карл XII решил не трогать более сильный центр лагеря противника.

В таком построении атакующих колонн король-полководец опасно ошибся. На правом фланге стояли петровские гвардейцы – Преображенский и Семеновский полки, которые успешно отразили все атаки шведов, даже те, которые лично возглавлял Карл XII.

На русском левом фланге, где стояло поместное ополчение, шведы имели полный успех. Разыгравшаяся сильная метель била им в спины и слепила русских. Видимость составляла всего лишь с десятков шагов. Пехотные батальоны лучшей на то время регулярной европейской армии появились перед засыпанным снегом неглубоким рвом в пелене метели внезапно. Их встретил недружный и, самое главное, запоздавший ружейный залп, после чего началась рукопашная схватка – свалка на линии вала.

Дворянская конница после измены большей части наемных офицеров-иноземцев вместе с командующим петровской армией саксонским фельдмаршалом герцогом К.Е. де Крои первой оставила поле боя. Поместное ополчение начало без приказа переправляться вплавь через реку Нарову на противоположный берег. Шереметев уходил на противоположный берег в числе последних. Ему в тот день повезло: иноходец его не подвел, справившись с холодными водами Наровы.

Во время этого беспорядочного бегства в холодных речных водах утонуло множество поместных воинов вместе со своими конями! Историк П.О. Бобровский писал: «...Вся кавалерия Шереметева... бросилась вплавь через Нарову, близ порогов, и успела переплыть, оставив в ее волнах более тысячи всадников».

Однако ради справедливости следует заметить, что русская позиция под натиском атакующих шведов рухнула не сразу. Она начала рушиться только тогда, когда конное дворянское ополчение боярина-воеводы Шереметева, отличавшееся тогда крайне низкой дисциплиной, в самый разгар сражения вдруг стало переправляться вброд на правый берег Наровы, собираясь там опять воедино и не думая бежать дальше.

«Первая Нарва» 1700 года прославила короля Карла XII победой над армией «московитов». Да и побежденные им, в том числе царь Петр I, преувеличивали масштабы «Нарвской конфузии». На время как-то забыли стойкость и мужество «потешных» Преображенского и Семеновского полков, Лефортова полка, дивизии генерала Адама Адамовича Вейде, вчерашнего майора-преображенца. Забыли, а зря. Лейб-гвардия (преображенцы и семеновцы) билась, не имея в своих рядах ни одного штаб-офицера, то есть старшего офицера.

В тот злосчастный для русского оружия морозный ноябрьский день они не дрогнули, отражая атаки шведов до самого позднего вечера. И показали именитому противнику, на что способны хорошо обученные и организованные солдаты и офицеры молодой петровской армии. Их боевой «нарвский» опыт пригодится уже в ближайшие годы.

Интересно, что сами шведы из королевского окружения довольно скептически отнеслись к «великой победе» своего монарха-полководца. То есть они выглядят в своих мемуарах реалистами, которым «первая Нарва» не вскружила голову: русская армия полному разгрому не подверглась. Один из очевидцев сражения, королевский камергер граф Вреде, признательно писал следующее:

«Если бы русский генерал (речь идет об А.А. Вейде. – А.Ш.), имевший до 6 тысяч под ружьем, решился на нас ударить, мы были бы разбиты непременно: мы были крайне утомлены, не имея ни пищи, ни покоя несколько дней; притом же наши солдаты так упились вином, которое нашли в русском лагере, что невозможно было немногим оставшимся у нас офицерам привести их в порядок».

Боярину-воеводе Б.П. Шереметеву пришлось оправдываться перед царем за бегство с поля брани подчиненной ему поместной конницы, дисциплинированность которой оставляла желать много лучшего. Признавал, что и он лично повинен в поражении под Нарвой. Он писал со всей откровенностью и прямоотой:

«Бог видит мое намерение сердечное, сколько есть во мне ума и силы, с великою охотою хочу служить, а себя я не жалел и не жалею...»

Петр Великий, как известно, верил в Бориса Петровича Шереметева, который доказал ему верность еще в годы борьбы с правительницей и сестрой по отцу царевной Софьей. Поэтому он не подвергся хотя бы даже малой опале за нарвское поражение и заслуженным упрекам, оставаясь одним из главных военачальников русской армии.

Уже через две недели после «Нарвской конфузии» боярин-воевода получил петровский указ: «...Итить вдаль для лучшего вреда неприятелю». Это звучало так: пора заглаживать свою вину делами, а не правдивыми отписками верноподданного вельможи.

Боярину Б.П. Шереметеву приказывалось вместе с московским и новгородским поместным ополчением, прибывшими украинскими казаками гетмана Обидовского держать границу у Пскова, южнее Чудского озера. Шереметеву предписывалось совершать «по его уразумению» конные набеги на соседнюю Лифляндию, которая стала в те дни главной продовольственной базой для королевской армии. То есть вести «малую войну» и защищать приграничье.

Но перед этим Шереметеву пришлось приводить в должный порядок армейские полки, отступившие из-под Нарвы к Новгороду. Пришлось заниматься и поместной конницей, которой пришло время «уходить в историю». А пока Борис Петрович по царскому повелению приводил в порядок конное дворянское ополчение, сосредотачивая его в Новгороде и его окрестностях, Петр I привычно наставлял боярина-воеводу:

«... Не лепо при несчастье всего лишиться... Того ради повелеваю, – тебе при взятом и начатом деле быть и впредь, то есть – над конницей, с которой ближние места беречь для последующего времени, и идтить вдаль для лучшего вреда неприятелю. Да и отговариваться нечем: понеже людей довольно, так же реки и болота замерзли...»

Еще напоминаю: не чини отговорки ничем, ниже болезнью... Получили болезнь многие меж беглецов, которых товарищ, майор Лобанов, повешен за такую болезнь...»

Одновременно с приведением в порядок поместной дворянской конницы шел набор в драгуны, в конные солдаты. Предстояло набрать десять драгунских полков. В верхоконную службу, с жалованьем в 15 рублей годовых с кормами, набирали людей охочих. Обученные драгунские сотни собирались в Новгороде, где генерал от пехоты князь Аникита Иванович Репнин приводил в порядок войска, отступившие из-под Нарвы, будучи в том деле правой рукой Б.П. Шереметева, который непререкаемым царским словом имел над ним старшинство.

Историк-белоэмигрант А.А. Керсновский писал так: «Велика заслуга перед русской армией и Шереметева, на долю которого выпала труднейшая из всех задач – перевоспитание «нарвских беглецов» и постепенное их закаливание –ковка молодой армии под стенами ливонских замков».

Карл XII, известный своей полководческой самоуверенностью, решил, что под Нарвой с русской армией, которая лишилась почти всей своей полевой и осадной артиллерии, покончено. Он никак не ожидал, что она по воле Петра Великого так быстро встанет из-под «нарвского пепла». Монарх «свеев» даже не допускал в себе такой мысли.

Поэтому воинственный король повел свою победоносную армию из прибалтийских земель (из Эстляндии) в пределы Речи Посполитой, чтобы там после победы над Данией нанести полное поражение третьему участнику Северного союза – польскому королю Августу II Саксонскому. Но шведы оставляли в Эстляндии и Лифляндии сильные крепостные гарнизоны и крупные отряды под начальством опытных генералов.

Идея продолжения Северной войны была следующая: Петр I спешно переформировывал русскую армию, давая ей большее «регулярство». Теперь главным театром войны становилась территория Речи Посполитой: союзник – саксонский курфюрст, он же польский король Август II, – просил о скорой помощи. Она была обещана ему Петром I еще при заключении Северного союза против Швеции. Ингрия с ее окрестностями становилась вторым по значимости, как ее называли бы сегодня, фронтом. Возглавить здесь войска поручалось Б.П. Шереметеву. Другой кандидатуры на такой пост царем, скажем прямо, не виделось.

Тому было доверено вести «малую войну» против Эстляндии и Лифляндии, составных частей Шведского королевства. То есть предстояло локальными ударами, действуя небольшими отрядами (обычно не только конными), но превосходящими числом шведские «партии» и гарнизоны. Но так «малая война» велась Б.П. Шереметевым только первое время: он быстро набирался опыта войны со шведами.

Однако воеводская осторожность Бориса Петровича серьезно заботила государя. Наделяя его самостоятельностью в ведении боевых действий, он с угрозой опалы и наказания предупреждал человека, которому суждено было стать большим полководцем России в Северной войне:

«Если ты еще болен лихорадкою, полученной под Нарвою, знай, что я умею лечить от нее...»

Это были не пустые слова монарха-самодержца. Он самовластно карал и жаловал. Главный военачальник русских войск в приграничье с Эстляндией и Лифляндией, частью Шведского королевства с июня 1701 года в официальных документах стал именоваться генерал-фельдмаршалом. Первым российским, не наемным. Получил же Борис Петрович этот высочайший чин за истинные боевые заслуги.

Петр I в начавшейся войне близ побережья Балтики решил не отсиживаться за крепостными стенами Пскова и Новгорода. Царь избрал наступательную тактику, что позволяло обеспечить безопасность собственных пределов от шведов, которые тоже повели «малую войну» против российских рубежей, но с гораздо меньшим успехом. Петр I вновь приказывал Б.П. Шереметеву, новоиспеченному генерал-фельдмаршалу, повторяясь в требованиях и словах:

«Вам повелеваем при взятом и начатом деле быть, то есть над конницею новгородскою и черкасскою, с которыми, как мы и прежде наказывали... и итить вдаль для лутчего вреда неприятелю. Да и отговариваться нечем, понеже людей довольно, такоже реки и болота замерзли».

Неторопливый государь 20 января 1701 года повторил свой указ полководцу Б.П. Шереметеву о начале «малой войны» на сопредельной стороне: выступать не медля, «дабы по крайней мере должность отечества и честь чина исправить подшились».

Надо сказать, что сам Борис Петрович стремился порадовать своего государя вполне искренне, но без нужной в те дни торопливости. Он отписывал Петру I: «Сколько есть во мне ума и силы, с великою охотою хочу служить, а себя я не жалел и не жалею». Государь таким чистосердечным словам своего сподвижника охотно верил, но сурово напоминать о порученном деле никогда не забывал. Война со шведами должна была вестись, а не только тлеть, отбиваясь от «диверсий» соседа-«ворога».

Первая военная зима прошла в затишье. Свое веское слово сказало снежное бездорожье, опасное для лошадей, и частое отсутствие крыши над головой для людей. Ночлеги в зимних лесах и в поле у дорог приводили к массовым простудным заболеваниям. Поэтому конные партии сторон в набегах далеко не заходили: наносили удар и уходили домой. Военные действия возобновились с весны 1701 года, когда дороги немного подсохли и появился зеленый подножный корм для лошадей. Об их характере в «Истории Свейской войны» сказано так:

«В сем 1701 году партиями неприятелю горазда докучали и землю разоряли (понеже более опасались наступления от неприятеля, неже сами наступали), между которыми партиями и сия нарочитая учинена».

Небольшие конные партии стали тревожить порубежье Эстляндии и Лифляндии. Все лето на путях-дорогах шли стычки передовых отрядов сторон. Пока еще полковник граф Вольмар Антон фон Шлиппенбах решил совершить карательный рейд на ту сторону границы с Московским царством. Шведы в немалых силах ходили под городок Гдов на Псковщине и Печерский, уже хорошо укрепленный монастырь, но взять их не смогли. Вокруг Гдова русские деревни были сожжены.

Небольшой гарнизон Печер отразил нападение с успехом, но генерал Шлиппенбах успел разорить окрестные села и с военной добычей уйти восвояси. В документах той поры писалось, что шведов от укрепленного Печерского монастыря «отбросили» с потерями. Эти два набега в ходе «малой войны» случились в конце 1700 года и в начале следующего года.

Граф фон Шлиппенбах, человек в военном деле опытный, едва ли не первый в Швеции забил тревогу после первых поражений от войск Шереметева. Он не раз писал Карлу XII о том, что русские поразительно оправались от Нарвского разгрома и просил прислать ему еще тысяч восемь войска. То есть речь шла о том, чтобы вдвое увеличить численно 8-тысячный корпус графа Шлиппенбаха, немалая часть которого стояла гарнизонами в крепостях и для боя в поле не годилась.

Но самонадеянный король оказался глух к настоятельным просьбам своего генерала. Да и к тому же у него таких многочисленных подготовленных резервов или наемных батальонов и эскадронов не имелось. Резервы из Швеции и Финляндии уходили на пополнение главной королевской армии, воевавшей на польской земле и в Саксонии. Туда же уходили вербованные на немецкой земле наемники. Графу Шлиппенбаху приходилось довольствоваться только

местными рекрутами, набираемыми в Лифляндии и Эстляндии, и отчасти горожанами-ополченцами.

К большой «диверсии» генерал-фельдмаршал готовился тщательно, стараясь предусмотреть все до мелочи. В декабре 1700 года он попытался взять укрепленный город Мариенбург (ныне Алыст), но потерпел неудачу. Его полкам пришлось отступить в свои пределы. Так что, как говорится, «первый блин оказался комом». Но это не смутило Бориса Петровича, который верил в свою воеводскую звезду. Он знал, что боевой опыт – это дело наживное, верил, что победы будут.

Первая большая операция провалилась, хотя дело обошлось без больших потерь в людях. Зато более удачно действовали небольшие конные отряды: они опустошали селения, создавали ощутимые помехи шведским войскам в снабжении провиантом и фуражом. И сами возвращались в места расквартирования с военной добычей. Так для Б.П. Шереметева прошло лето 1701 года, лето второй военной кампании.

В сентябре того же года генерал-фельдмаршал решил провести в «малой войне» крупную операцию. Тогда на вражескую территорию вторглись почти одновременно три русских отряда общей численностью в 21 тысячу человек, состоя большей частью из конницы. Самым крупным, 11-тысячным отрядом, выступившим из Пскова, командовал сын петровского полководца – полковник (и будущий генерал-майор) Михаил Борисович Шереметев. У Репниной мызы близ Псковского озера он умело разбил отряд шведов – те потеряли в бою до трехсот человек только убитыми, две пушки и более ста фузей. Отряд Шереметева-младшего потерял всего девять человек. Тем самым была снята угроза Печерскому монастырю, стоявшему в 56 верстах от Пскова.

Первая победа, пусть небольшая и добытая больше численным превосходством атаковавших, имела в тот год немалое значение для подъема духа русских войск и весьма порадовала царя Петра I. Это постарался подчеркнуть и использовать Шереметев-старший, организовав торжественную встречу победителей в Печерском монастыре.

«Наперед везли полон, – описывает торжество русский дипломат И.А. Желябужский, – за полоном везли знамена, за знаменами пушки, за пушками ехали полки ратных людей, за полками ехал он, Михайла Борисович. А в то время у Печерского монастыря на всех раскатах и башнях распушены были знамена, также и во всех полках около Печерского монастыря. И на радости была стрельба пушечная по раскатам и по всем полкам, также из мелкого ружья».

В «Истории Свейской войны» о том удачном бое у Репниной мызы записано так: «Сентября в 4 день фельдмаршал посылал сына своего Михайлу, которой, переправясь через реку Выбовку, у Ряпиной мызы нашел неприятелей 600 человек под командою маэора Розена и иных побил и вышеписанного маэора до 80 человек салдат, три штандарта и две пушки с аммунициею и мелкого ружья и обоз взял. И никто из неприятелей не ушел, кроме одного прапорщика».

Другой русский отряд, которым начальствовал Корсаков, потерпел неудачу у мызы Рауге. Полковник граф Шлиппенбах, имея в несколько раз меньше сил, отбросил от мызы неудачно атаковавших русских, которые потеряли несколько десятков человек и больше нападать не стали. Король Карл XII произвел за викторию у мызы Рауге графа в чин генерал-майора и «возложил» на него надежды в будущем.

Этот рядовой бой кампании 1701 года шведы выдали как за большую победу над русскими, о чем оповестили европейские столицы через своих дипломатов. В силу этого одна из голландских газет сообщала своим читателям, что против двухсот солдат Шлиппенбаха действовало... сто тысяч русских, потерпев поражение, они оставили на поле боя шесть тысяч солдат! Это было лишь одно из многих свидетельств того, насколько высок был полководческий гений короля Карла XII в умах европейцев эпохи Северной войны, еще только начавшей свой путь в два десятка лет.

В черновых материалах «Истории Свейской войны», не вошедших в нее после первой редакции (зачеркнуто царской рукой), о бое у мызы Рауге записано одним предложением так: «Вторая партия у Ревги-мызы неприятельских людей и с приводцом многих побила».

В «Историю Свейской войны» не вошли донесения о действиях третьего отряда, посланного Шереметевым, и последующих набегах в ходе «малой войны» в конце 1701 года. При редакции главы за этот год было зачеркнуто следующее:

«...А третья партия, Новокезеницкой мызы не дошед, неприятельской отводной караул разбила и неприятелю ис той мызы выступя, учинила бой, где с помощью божиею оных побили и многие деревни пожгли и, скот отогнав, возвратились паки к Печерскому монастырю благополучно.

Того ж сентября в 14 день изо Пскова посланы были слобочкие черкасы, по Рижской дороге, которые ходили за Мариенбурх и выжгли болше 600 мыз и деревень, и хлеб жатой и в полях пожгли и многие здания не толко деревянные, но и каменные разорили, и жителей, где застали, порубили и пленили.

Декабря в 30 день отправлена была российская партия в неприятельскую мызу Еверстер (от Дерпта в 35 верстах отстоящую) и в протчия, где обрели в них всякого скота и правиянту з доволством, также и полковых всяких припасов и ружья немалое число. И, взяв оное все, тое мызу и протчие около ея разрили».

Их этих донесений видно, что «малая война» велась сторонами на «опустошение» сопредельных территорий. Разорялась, прежде всего, сельская местность, которую та и другая стороны защитить могли только с большим напряжением сил. Шведы же с 1701 года в Лифляндии и Эстляндии предпочитали отсиживаться за каменными стенами крепостей и большого числа старинных немецких рыцарских замков, которые редко брались лихим конным набегом иррегулярной конницы Шереметева.

Получив самостоятельность и осмотревшись, генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев стал действовать в Прибалтике на удивление всем (и возможно, самому себе) удачно и достаточно решительно. Именно он добыл русскому оружию первую серьезную победу в Северной войне. Победа оказалась знаковой. В декабре 1701 года при мызе Эрестфер (по дороге между Дерптом и Псковом) был разбит 7-тысячный корпус генерал-майора графа фон Шлиппенбаха, одного из лучших королевских военачальников. Русские атаковали неприятеля, имея в своих рядах 8 тысяч пехоты и 10 тысяч конницы при 16 орудиях.

Путь до Эрестфера, где шведы устроились на зимних квартирах, войска Шереметева, выступив из Пскова 23 декабря, прошли за три дня. По пути нигде на лишнее время не задерживались, двигаясь «тайным обычаем», чтобы не дать неприятелю обнаружить себя раньше, чем будут найдены зимние квартиры корпуса Шлиппенбаха. Было только известно, что он стоит на прикрытии города-крепости Дерпта по прямой дороге из Пскова.

По зимним дорогам легкие пушки везли на санях, что позволяло легко маневрировать ими на поле боя. Конница частью состояла из полков черкас (украинских казаков), военнопленных калмыков, башкир и татар, частью из драгун. Шереметевский отряд даже в условиях снежной зимы отличался хорошей маневренностью.

Высланная вперед на разведку «сильная» конная «партия» должна была точно установить, где находятся шведские войска по дороге на Дерпт и каковы их силы. «...Партия вскоре и возвратилась назад с несколькими человеки взятыми лифляндскими обыватели, которые сказали, что генерал-маюр Шлиппенбах подлинно стоит от Дерпта в 4 милях в 7000 человеках кавалерии и инфантерии».

Как оказалось, шведский корпус стоял там без движения в своих главных силах. И собран был не для того, чтобы оборонять город Дерпт. Король Карл XII тоже требовал от своего военачальника активных, наступательных действий: Шлиппенбах в числе осторожных, не риско-

вавших военачальников в рядах шведского генералитета не значился. В силу этого у Бориса Петровича был достойный соперник.

Эта запись в «Истории Свейской войны» опровергает высказываемое в ряде исторических работ суждение о том, что Шереметев узнал о местонахождении корпуса генерала графа Шлиппенбаха у мызы Эрестфер через засылаемых в Лифляндию шпионов. В действительности информация была получена от взятых в плен не военных, а гражданских лиц, простых обывателей и торговцев, которых «языками» назвать трудно, только с известной натяжкой. Поэтому о полной достоверности такой информации говорить во все времена было сложно.

27 декабря русские войска неожиданно появились недалеко от шведского лагеря, в котором в тот день праздновалось Рождество Христово. По пути они так и не были обнаружены противником, который тоже оплошал с несением дозорной службы. Было ли это случайным совпадением, или удачной военной хитростью петровского фельдмаршала, история умалчивает. О том в его обильной переписке и в «Истории Свейской войны» ничего не говорится.

На следующий день Шлиппенбах на всякий случай выслал в сторону российской границы разведывательный отряд, который у урочища Выбовка неожиданно наткнулся на русский авангард. Шведы были окружены и разбиты. Теперь Шереметев уже не пошел дальше «тайным образом», не медлил в действиях, а спешил, чтобы Шлиппенбах не собрался с еще большими силами, не подтянул к себе крепостные гарнизоны из округи.

Когда иррегулярная конница «лихо» вышла на берега реки Ан, то была замечена шведским сторожевым постом. На мызе Эрестфер встревожились: русские зашли далеко, но силы их были неизвестны. Подполковник Ливен с двумя ротами пехоты и одной пушкой спешно вышел к речной переправе. Его атаковали конной лавой под свист тучи оперенных стрел, и триста эстляндских стрелков Ливена пали на месте.

В шведском лагере забили тревогу. Генерал граф Шлиппенбах, не теряя самообладания, выслал к реке еще больший отряд с 6 пушками, но тот смог только оттеснить конную разведку русских. Тогда королевскому генералу пришлось спешно выстраивать свой корпус в боевой порядок большого числом людей каре перед мызой Эрестфер на достаточно удобном для полевого боя месте, и стали поджидать противника.

Сражение у Эрестфера началось с того, что шведскую кавалерию, выстроившуюся для боя, атаковали русские драгуны. Шведы удачно открыли пушечный огонь картечью и воодушевленные отступлением передовых драгунских эскадронов русских пошли в контратаку. Построение, задуманное Шлиппенбахом, было сломано, фланги каре оказались открыты.

И тут неожиданно на поле боя на саях появилось 16 орудийных расчетов: то была военная хитрость Шереметева. Пушки сразу же открыли огонь. Затем на поле боя вышли шеренги русской пехоты, которые ружейными залпами заставили шведскую кавалерию повернуть назад. При отступлении конные шведы расстроили ряды своих пехотных батальонов, и они оказались трудно управляемыми. Ситуация на поле боя менялась быстро, и Шлиппенбах в отличие от Шереметева растерял нити командования своим корпусом. Это стало для шведов началом Эрестферской катастрофы.

По сигналу русского командующего вперед пошли драгунские полки Кропотова, Зыбина и Гулицы. А с флангов по огромному наступающему шведскому каре ударила иррегулярная конница. Тысячи конников влетели в каре, прорвав его строй, и там началась резня. Сильный фланговый удар и стал переломом в Эрестферском деле.

Ожесточенное сражение при Эрестфере длилось пять часов и завершилось уже в темноте. Первыми бросили поле боя конные шведы, оставив без прикрытия пехоту. Генерал-майор граф фон Шлиппенбах, который с небольшим числом людей смог ускакать по дороге на Ревель, потерял до трех тысяч человек убитыми, 366 – пленными, 16 знамен, всю артиллерию и обоз. То есть корпус королевской армии в тот день потерял, не считая раненых и дезертиров, почти половину своего состава.

Потери победителей как атакующей стороны составили около одной тысячи человек убитыми и ранеными. Они были для ожесточенного 5-часового сражения несовместимы с уроном проигравших шведов.

Остатки разбитого и рассыпавшегося шведского корпуса укрылись за крепостными стенами Дерпта (бывший Юрьев, ныне Тарту, Эстония). Туда беглецы тянулись из заснеженных лесов одиночками и толпами: было утрачено много личного оружия. От преследования бежавших шведов боярин-воевода Б.П. Шереметев разумно отказался: глубокие снега и обледенелые дороги грозили лошадям большими бедами. Да и взятые огромные трофеи заметно обременяли войска.

Шереметев не стал преследовать бежавших во все стороны шведов и не пошел маршбросками на Дерптскую крепость. Хотя момент был и для того, и для другого удобный. В письме в Москву об одержанной победе Борис Петрович в таких словах объяснял государю Петру I свое поведение после одержанной победы:

«Нельзя было итить, всемерно все лошади встали, а пуще снега глубокие и после теплыни от морозов понастило; где лошадь увязнет, не выдеретца; ноги у лошадей ободрали до мяса».

Такое объяснение, думается, тронуло Петра I: именем своей любимой лошади Лизет он в будущем назовет один из парусников Балтийского флота. Сам Борис Петрович был известен как большой любитель лошадей, понимавший всю их значимость для любой армии той эпохи. Они были незаменимыми спутниками военных людей: и верховыми, и артиллерийскими, и обозными. Лошади носили на себе всадников, везли орудия всех калибров и зарядные ящики, всевозможные обозные повозки и... кареты. Кроме того, они кормили собой войска, когда были уже не пригодны к воинской службе.

Войско Шереметева возвратилось в Псков 4 января 1702 года, куда ранее «добежали» легкоконные вестники. Его встречали колокольным звоном, молебным пением, пальбой из крепостных пушек и старинных пищалей и «мелкого ружья».

Переоценить моральное значение Эрестферской победы в самом начале Северной войны было трудно. Нарвское поражение в сознании россиян после Эрестфера начало уходить в прошлое: пришла первая большая победа. Тем самым был развеян миф о непобедимости «свеев». Несказанно обрадованный известием о славной виктории царь Петр I восторженно писал:

«Мы дошли до того, что шведов побеждать можем; пока сражались двое против одного, но скоро начнем побеждать их и равным числом...»

«Слава Богу! Мы можем, наконец, бить шведов!..»

В Москве, как в древнем Пскове, на радостях звонили колокола кремлевских храмов, монастырей и уличных церквей. В кремлевском Успенском соборе провели торжественное молебствие. Палили из 100 (!) пушек, а вечером был праздничный фейерверк. От имени царя-батюшки простой люд угощали вином, пивом и медом. Привезенные Шереметевым-младшим в столицу трофейные знамена и штандарты вывесили на башнях Московского Кремля для всеобщего обозрения. Огромный город ликовал не один день.

В столице, помимо ставших традиционными салютов, пиров и угощений, царские власти устроили для люда любого звания нечто вроде общедоступного театра. Первопрестольная Москва такого театрализованного представления в своей многовековой истории еще не знала. Человек из Посольского приказа Желябужский писал о нем в таких словах:

«А на Москве, на Красной площади для такой радости сделаны государевы деревянные хоромы и сени для банкета; а против тех хором на той же Красной площади сделаны разные потехи; и ныне стоят».

За эту такую нужную победу генерал-фельдмаршал Борис Петрович Шереметев был награжден недавно учрежденным орденом Святого апостола Андрея Первозванного. Награду ему в Псков привез из Москвы царский посланец, петровский фаворит Александр Данилович

Меншиков, тоже в будущем генерал-фельдмаршал. В походном журнале полководца Петра Великого сохранилось описание этой орденской награды:

«...Знак золотой с алмазы, внизу того знака крест кавалерский Святого апостола Андрея с цепью золотую, ценой в 2000 рублей».

Царских пожалований удостоились, пожалуй, все участники Эрестферского дела. Разные награды получили все шереметевские офицеры. Всем солдатам выдано было наградных по серебряному рублю с профилем государя. Такие рубли впервые были отчеканены на Московском монетном дворе вместо прежних денег. Трофейные шведские знамена еще долго висели на Спасской башне Кремля в знак признательности Борису Петровичу Шереметеву. Такого было царское пожелание.

...Кампания 1702 года для русского оружия началась и закончилась большими успехами. В июне русские лодочные отряды разбили шведские флотилии, состоявшие из гораздо больших судов с пушечным вооружением, на Чудском и Ладожском озерах. Их остатки бежали по реке Нарове и больше не возвращались. В августе будущий генерал-адмирал русского флота Федор Матвеевич Апраксин на реке Ижоре разгромил корпус генерал-майора барона Адама Кронгиорта.

Эта победа была примечательна тем, что барон Кронгиорт пользовался большим расположением короля Карла XII как опытный военачальник, способный самостоятельно решать серьезные задачи. С 1700 года лифляндский барон как «храбрый генерал» командовал шведскими войсками на границах Ингрии и Карелии.

Но самую удачную операцию третьего года Северной войны для русского оружия опять провел генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев, о полководческом первенстве которого в рядах петровской регулярной армии спорить не приходилось. Еще с зимы он стал готовить свои полки к новому большому походу «за рубеж». Впрочем, и он, и Петр I прекрасно понимали, что сил у России еще недостаточно для проведения широких наступательных операций. Пока можно было предпринимать только отдельные рейды, походы, удары, надеясь на их удачу.

Обладатель фельдмаршальского жезла настойчиво и заранее запрашивал у царя Петра I о том, как ему действовать в наступившей военной кампании: «Как весну нынешнюю войну вести, наступательную или оборонительную?»

Государь отвечал, тоже проявляя известную осторожность: «С весны наступать оборонительно». Борис Петрович сказанное в Москве государево слово понимал: оба были в ответе за то, как идет война со «свеями». Весь вопрос был в том, как бы чего «дурного» не случилось.

Петр I по дипломатическим каналам, конечно, имел больше полезной информации о том, как на разных театрах идет Северная война, что позволяло ему выстраивать стратегию России в ней. Находясь весной в Архангельске, узнал, что главная королевская армия во главе с Карлом XII выступила в поход на Варшаву. И тем самым Шлиппенбаху в Лифляндию он подкреплений не пришлет. Отсюда напрашивался верный вывод: воевать нужно идти в Лифляндию, «истинный час для того пробил».

Знающий Шереметев только одобрил такое решение, чувствуя по всем признакам, что шведы «за рубежом» напротив Псковщины теряют силу и потому серьезных «диверсий» от них уже ждать не приходилось. Он, как и раньше, медленно собирался в уже назначенный царем поход. А дел было у него как командующего действительно много. Полки укомплектовывались до полного штата людьми и лошадьми, подбирались офицерские кадры, запасались боевыми припасами.

Шереметев в третью кампанию войны действовал более уверенно, чем в предыдущие кампании: на нарвское «прошлое» он уже не оглядывался и все так же не делал спешки, даже если его поторапливал сам царь. Его войско (корпус) выступило в новый поход из Пскова 12 июля, имея в своем составе 18 тысяч человек. На этот раз в его составе иррегулярных сил (конницы) имелось всего 3 тысячи человек, а пять шестых это были солдаты и офицеры регулярной

армии, на обучение которых ушла вся зима и вся весна. Генерал-фельдмаршал позаботился о «сколачивании» воинских коллективов – рот и эскадронов, орудийных расчетов и полков.

Шереметевские полки шли «за рубеж» уже знакомыми дорогами опять в Лифляндию. Шведы теперь не имели возможности прикрывать границу сильными «партиями», предпочитая встречать русских достаточно далеко от нее. Чаще всего это делалось под стенами городов с крепостной оградой. Из разных источников Борис Петрович знал, что его соперник граф Шлиппенбах зиму провел в Дерпте и его окрестностях и свои полки оттуда он никуда не перемещал. В Дерпт всю зиму к нему шли пополнения, но в силу известных условий значительными они быть не могли.

Летом 1702 года генерал-майора графа фон Шлиппенбаха, имевшего под командованием уже 13-тысячный корпус (называются и другие цифры), постигло новое сокрушительное поражение под мызой Гуммельсгоф, юго-западнее Дерпта. Он потерял почти всю свою пехоту (около 5,5 тысячи человек), полевую артиллерию и все знамена. От прежнего превосходства над русскими не осталось и следа. Гуммельсгофские события развивались следующим образом.

Ради предосторожности Шереметев 17 июля выслал вперед конную «партию». За «трудною переправу» через реку она с налета разбила шведский аванпост – эскадрон кавалерии. В коротком бою он был разбит, в плен попали два офицера (в том числе командир эскадрона) и 27 рейтар. Стоявший у Сайга-мызы генерал Шлиппенбах, узнав о приближении русских и результате состоявшегося боя, в спешке, бросив часть багажа, отошел к мызе Гуммельсгоф и занял там более удобную позицию. «Неприятель во ордер баталии против наших построился».

Шведы мост «через реку Амовжу разрубили» и поставили там несколько пушек («караул») для защиты переправы. Подошедший к реке шереметевский авангард «отбил» вражескую заставу от реки. Мост был быстро починен, поскольку его до конца разрушить не успели, и вперед выслана легкая на подъем иррегулярная конница (калмыки и казаки). Главные силы русских войск «за оными следовали чрез великие три переправы и неприятеля дошли при мызе Гумиловой от той реки в 15-ти верстах».

Сражение 18 июля 1702 года началось с того, что кавалерия шведов напала на выдвигавшийся авангард большого полка Шереметева, потеснила его и взяла несколько пушек, не успевших стать на позицию. Самоуверенный Шлиппенбах начал было праздновать успех, но рано.

Затем начались настойчивые атаки двух русских драгунских полков, которые, в свою очередь, стали теснить противника, и ход битвы для сторон уравнился. Когда к месту битвы подоспели спешившие на звуки боя шереметевские полки пехоты, то первая же их дружная, решительная атака имела полный успех. К тому же удачно действовали русские пушкари, выигравшие артиллерийскую дуэль у противника.

Шведы не выдержали этой атаки и в панике обратились в бегство. Королевская кавалерия оставила пехотинцев без прикрытия, смяла их на пути своего бегства, и те были почти все истреблены в рукопашном бою. Русские на поле боя «артиллерию, знамена и обоз взяли». Победители насчитали на поле битвы до 5 тысяч убитых, в плен попало 338 человек. Таков был урон шведского корпуса в людях, «кроме ушедших в леса». Трофеями стали 6 пушек и 7 мортир.

Драгунские полки вели преследование в «несколько миль», после чего возвратились с пленными к мызе Гуммельсгоф, которая на время стала штаб-квартирой генерал-фельдмаршала Б.П. Шереметева и его тыловой базой. Отсюда он 22 июля выступил с войсками после «опустошения» края по Рижской дороге «жилыми местами» «до озера Вильяна».

В городе Пернове (Пярну), стоящем на берегу Балтийского моря, королевский военачальник граф Шлиппенбах собрал не более трех тысяч беглецов. Остальные полегли на поле боя или рассеялись без особых надежд вернуть их в строй королевской армии. Собрать хотя бы

какую-то небольшую часть разбежавшихся местных ополченцев он не смог: «в лесах и болотах осталось 5490».

После Гуммельсгофской победы рассылаемые во все стороны летучие отряды стали опустошать Лифляндию и Эстляндию, до того богатые провинции Шведского королевства. Налеты проводились на богатые мызы и старинные рыцарские замки, которые часто имели защитников. Провиант, который было невозможно забрать с собой, подвергался уничтожению (обычно его предавали огню); брались пленные. Коммуникационные линии шведских гарнизонов были разрушены.

«Легкие» отряды, рассылаемые Шереметевым по дорогам, опустошали, в соответствии с законами войны, местный край. Он задержался здесь на целых два месяца, тогда как зимой прошедшего года – только на десять дней. За эти два месяца шведские крепостные гарнизоны так и не собрались с мужеством выйти в поле и сразиться там с противником. Король Карл XII и более близкий Стокгольм оказались глухи ко всем посланиям из Лифляндии и Эстляндии о военной помощи.

За время летнего похода генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев захватил две крепости – у мызы Менза и в городе Мариенбург. И та, и другая были взяты, когда русские войска пошли «в Керепецкую мызу и далее по Мариенбургскому тракту». «По скаске взятых языков» там «обреталось неприятельских людей число немалое».

5 августа Шереметев направил к мызе Менза (там во главе гарнизона крепости сидел подполковник Вильгельм) драгунский полк полковника В.Д. Вадбольского (Вадбальского). Тот, когда подошел к мызе, то увидел рядом огромный «каменный дом с земляной крепостью и палисадами», которую сразу же осадил. Генерал-фельдмаршалу Вадбольский послал донесение, что своим полком «он ее один достать не может».

6 августа Шереметев пришел сам с полками к мызе Менза. Крепость была обстреляна из пушек. Под прикрытием пушечной пальбы драгуны, «подшед под палисады, подсекли оныя и, забросав ров, деревянное строение зажгли». Так начинался штурм, и гарнизон крепости с комендантом, «видя свое изнеможение», предпочел капитулировать, о чем барабанщик «начал бить шамад». «Во оной крепостице» было взято 158 человек, 4 пушки с «амуницей и всякими воинскими припасами».

В Мензе стало известно, что в недалеком городе Вальмер находится королевский отряд в тысячу человек с пушками. Шереметев отрядил туда отряд в семь полков во главе с генерал-майором фон И.Г. Верденом (Вердином), а сам двинулся к Мариенбургу. Вальмерский гарнизон был без труда («после малого сопротивления») разбит и пленен, взято несколько знамен и 4 пушки, а сам город подвергся разорению.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.